

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2021. Том 25, № 2
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 398.61+398.21

ББК 82.04

DOI 10.18522/1995-0640-2021-2-126-132

РОЛЬ ЛЕЗГИНСКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК В СТРУКТУРЕ БЫТОВОЙ СКАЗКИ

А.Р. Гашарова

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской Академии Наук,
г. Махачкала, Россия

Аннотация. Рассматриваются лезгинские народные загадки в «сказочной» речи, а также использование различного рода «загадочных» элементов при создании народных сказок. Анализу подвержены традиционные сюжеты лезгинских народных бытовых сказок, в составе которых мы находим загадки. Творческой фантазией загадка часто вводится в сюжет бытовых сказок «о мудрых ответах» («о загадывании и отгадывании»). Актуальность выбранной темы обусловливается малоизученностью данного вопроса в лезгинском устно-поэтическом творчестве.

Ключевые слова: *лезгинский фольклор, малые афористические жанры фольклора, народные загадки, бытовые сказки.*

Введение

Народные загадки функционируют в фольклоре как самостоятельный жанр. Они могут выступать компонирующим элементом других жанров фольклора. Как известно, загадки довольно активно бытовали в составе семейно-обрядовой поэзии, в легендах, преданиях, в ашугской поэзии [Гашарова, 2020, с. 27 – 35] и т.д. «Будучи самостоятельными текстами, загадки при этом содержат как “внутрижанровые” связи, так и “внежанровые” – с другими фольклорными текстами...» [Солдаева, 2016, с. 61].

В традиционном бытовании жанр загадок «был связан с ритуалами и преимущественно существовал в обрядовых жанрах» [Гашарова, 2018, с. 73].

В свадебной традиции «загадками проверяли – достиг ли человек нужной зрелости ума, достаточно ли он догадлив и мудр» [Чичеров, 1959, с. 322].

Непосредственное отношение лезгинская народная загадка имеет к сказочному эпическому жанру. В устно-поэтическом творчестве лезгин загадки образно и метафорически дополняют народные сказки. Но лезгинская народная загадка как афористический жанр фольклора в прямом представлении редко бытует в сказках. Чаще всего это: загадки-отгадки,

энигматические понятия, иносказательный стиль изложения, своеобразная игра слов, загадочные выражения, метафорическая речь. Народная загадка в сказках может выполнять и функцию вводного оборота, короткого эпизода повествования, тем самым обогащая повествование сказки.

В данном исследовании нами предпринята попытка выявления значимой сюжетобразующей роли народной загадки в сказке. Цель нашей работы – выявление разноаспектной взаимообусловленности лезгинской народной загадки как сюжетобразующего элемента в различных видах сказок. Корреляция между фольклорными загадками и народными сказками «... дает возможность предположить, что древний по своему происхождению материал сказки отразил какую-то более древнюю ступень в жизни загадки» [Колесницкая, 1941, с. 112].

Исследование и его результаты

Средством, направляющим действие сказки, активизирующим ее, где проявляется наибольшая творческая фантазия, является загадка. Она участвует в усложнении многих сказочных сюжетов. По мнению Н. Г. Титовой, загадка представляет собой особую ступень развития сказки, «отличающаяся рельефностью и образностью, неожиданно рождается из сплетения обстоятельств, легко меняет форму, возбуждает любопытство и неотложно требует решения» [Титова, 2012, с. 322].

Загадки прочно закрепились в ряде сказочных сюжетов и участвуют в усложнении этих сюжетов. Загадка – это скрытый элемент сказки, основанный на неясности, неведении, таинственности, причудливости мыслей. На простые вопросы загадка отвечает многозначительно, мудро.

Отличительной особенностью народной сказки является ее метафоричность, которая характерна и для народных загадок. В сказке главное – умение правильно воспринять и истолковать иносказание, которое свойственно жанру загадки, потому что загадка – это «метафорически оформленное, витиеватое описание какого-либо предмета, явления, действия и т.д.» [Гашарова, 2019, с. 93].

Роль загадки в сказке двойственна. Основная функция загадки в народной сказке – развлекательная. Этому мнения придерживается Е. Н. Елеонская, которая считает, что «загадка отвечает стремлению сказки занимать, держать слушателей в напряжении» [Елеонская, 1987, с. 85].

По мнению И. М. Колесницкой «роль загадок в сказках весьма существенна для образования сюжета, разгадывание их является центром и направляющей нитью сказки» [Колесницкая, 1941, с. 177].

Бытовые сказки занимают большое место в лезгинском фольклоре. Основные сюжеты этих сказок не сложны. Они обогащаются посредством эпизодов, которые дополняются все более новыми фактами и подробностями. На основе тематического единства, целостного композиционного приема, круга сюжетов, сходных черт характеров героев в социально-бытовых сказках выделяют следующую группу сюжетов: «о мудрых ответах» («о загадывании и отгадывании»), «об одурачивании», «о ленивых», «о дураках» («о шутах») и др.

Наибольший интерес для нашего исследования представляют социально-бытовые сказки, относящиеся к первой группе сюжетов.

В лезгинской фольклорной традиции сказки «о мудрых ответах» («о загадывании и отгадывании») близки к волшебным сказкам, в них хан ставил перед главным героем различного рода задачи. К примеру, найти морскую девушку, волшебного коня и т. д. В бытовой же сказке хан, узнав об остром уме героя, повелевает невыполнимые поручения. Герой или героиня разрешают эту задачу благодаря уму и находчивости. Если в волшебных сказках наказ хана выполняется четко по заданному поручению, то в бытовых сказках подобную задачу решают отгадкой. В социально-бытовых сказках-загадках приводится конкретная ситуация в иносказательной форме. Из героев в выигрыше остается тот, кто верно отгадает загадку или в ответ придумает неразрешимую загадку-задачу.

Рассмотрим ряд сказок, в которых употребляется народная загадка. Так, в лезгинской народной сказке «Богатство и ремесло» («Девлетни пешекарвал») [Ганиева, 1968, с. 50] хан поручает своему нукеру выполнить такое задание: *«Вот тебе баран, отнеси на базар, продай его, мне принесешь три рубля, целого барана и два килограмма мяса»*.

Справиться с этой невыполнимой задачей нукеру помогает бедная девушка. Очарованный умом девушки, хан вскоре женится на девушке. Подобный сюжет имеет множество аналогий в фольклоре народов Дагестана и Северного Кавказа.

В лезгинском фольклоре встречаются сказки, где народная загадка даётся в неразрешимой форме и отгадка известна только загадывающему лицу. Такова народная сказка «Умная дочь пастуха» («Нехирбандин акьуллу руш») [Гаджиев, 2008, с. 485–487], где хан, прослышав об уме и смекалке дочери пастуха, повелевает ей сшить рубашку из двух молотильных досок. В ответ умная дочь пастуха отдает ханским слугам полные хурджины камней со словами: *«Идите и скажите своему хану, чтобы из этих камней он скорее сделал прочные нитки, а рубашку ему я уже выкроила»*. Из двух героев сказки побеждает тот, кто может придумать для своего соперника наибольшее количество усложненных вопросов.

Истоки этих загадок уходят в далекое прошлое. Они связаны с древнейшими обычаями-испытаниями, умением понимать и пользоваться иносказательной речью.

В процессе своего формирования, как утверждает И. М. Колесницкая, «сказки, построенные на отгадывании “загадок”, приобретают совершенно иное звучание: отгадывание загадки свидетельствует о сообразительности, остроумии героя» [Колесницкая, 1941, с. 140].

В ряде сказок мы встречаем и простые, незамысловатые вопросы, но «являясь составной частью сказок, народные загадки не перестают выполнять функции, которые им присущи» [Аникин, 1987, с. 115]. Например, в сказке «Достойная жена» («Лайихлу паб») [Гаджиев, 2008, с. 516–520] аждаха задает вопрос главному герою: *«Что самое прекрасное на земле?»*. Он получает такой ответ: *«Что твоему сердцу мило, то самое прекрасное на земле»* [Там же, с. 518]. Эти вопросы становятся ис-

пытанием смекалистости, наблюдательности. Сказка связывает их в том случае, когда нужно демонстрировать мудрость, умственные способности, воочию представить сообразительность главного героя повествования.

Часто сюжет бытовой сказки формируется в пространственно-временных отношениях, характерных для данного жанра. От способности верного разгадывания загадочной иносказательной речи могла зависеть дальнейшая судьба главного героя. А, как известно, «основной функцией иносказаний было и остается обучение догадливости и быстрой сообразительности» [Укачина, 2009, с. 167]. К примеру, обратимся к сказке «Умный пастушонок» («Акьуллу данарбан») [Свод..., 2013, с. 101–109], где загадка полностью или частично формируют сюжетную линию. Между героями – ханом и его женой – происходит диалог:

«– Эй, хан, ты самый умный и справедливый человек в мире. Этот визирь до старости честно служил тебе. А теперь за одну ошибку ты хочешь лишить его жизни перед всем народом. Аллах этого не простит! Пожалей его и прости на этот раз. Но прости с условием, а если он не выполнит условие, потом ты можешь его казнить.

– Но, какое же условие я ему поставлю? – спросил хан у жены.

– Дай ему следующее задание, – сказала ханум. – Пусть он найдет в этой стране человека умнее тебя и приведет сюда. Но если он не сможет найти такого умного человека, потом ты имеешь право его казнить» [Свод..., 2013, с. 106].

В данном случае изложение от лица условного рассказчика выполняет роль пояснений и ремарок. По мнению А. Б. Бритаевой, диалог, присутствующий в сказке, движет действие, способствует «проявить контрастность образов, обнаруживают противостояние и таким образом заостряется социальный, нравственный и моральный аспекты сказки» [Бритаева, 2007, с. 60].

Справиться с трудной задачей визирю помогает маленький пастушонок. Когда на их пути хан приказал вырыть глубокую яму и наполнить водой, мальчик бросил в воду полено, затем обогнул яму. Это была первая задача.

Перед старым визирем и мальчиком слугам приказали бросить подкову. Мальчик остановился, поднял ее, вытащил из кармана гвоздь, воткнул в подкову и сказал, что: «Она ему пригодится». Это была вторая дилемма.

Третья задача: слуги бросили на дорогу кусок ржавой стали, который чернел посреди дороги. Мальчик поднял с земли кусок стали, вытащил из кармана кремь и стал тереть его об сталь, а потом, заметив, что он может пригодиться, положил в карман.

Завидев их, хан погладил свою бороду, а мальчик в ответ погладил свою голову. Это четвертая задача.

Загадки-задачи, представленные в этой сказке в развернутом виде, способствуют накоплению дополнительных подробностей. В этом случае для решения данной загадки на помощь приходят простые непосредственные предметы. Поэтому «изменение творческой фантазией загадки в фор-

му задачи трудноисполнимой или неисполнимой оживляет присущий природе сказки процесс: один эпизод вызывает другой, каждая новая подробность привлекает другую – вследствие этого сказочный сюжет значительно расширяет свои первоначальные очертания». [Елеонская, 1987, с. 83]

Далее в сказке представлены ответы мальчика на все заданные загадки-задачи в монологической форме: *«Когда мы шли по дороге, встретили вырытую кем-то глубокую яму с водой, что означало: “Не подходи ко мне, я – море”. Я в ответ бросил на воду полено, что означало: “А я – пароход, проплывающий море”. Дальше я нашел подкову, брошенную тем же человеком посреди дороги, что означало: “Я – железо, не подходи ко мне”. Воткнув в подкову гвоздь, я отложил в сторонку и этим ответил: “А я – гвоздь, который дырявит железо”. Пройдя некоторое расстояние, я нашел кусок стали, оставленный тем же человеком, что означало: “Не подходи, я – сталь”. Я ответил вам: “Если ты сталь, то я кремень, которым можно эту сталь точить”, – и, чиркнув кремнем по ней, положил кусок стали себе в карман. Вы погладили бороду и этим сказали: “Ты маленький и поэтому не переспоришь меня”. Я ответил вам, погладив голову: “Ум не в бороде, а в голове”»* [Свод..., 2013, с. 108–109]. Так визирь был спасен от виселицы.

Ряд хитро придуманных загадок являются сюжетной основой данной народной сказки, но вместе с тем служат «трудной задачей» для испытания главного героя. По верному утверждению В. Я. Проппа, в этих фольклорных жанрах «...и кроются корни “трудных задач”» [Пропп, 1976, с. 167].

Заключение

Таким образом, народная загадка встречается во многих жанрах лезгинского фольклора: в обрядовых песнях, легендах, преданиях и т.д. Чаще всего народные загадки встречаются в структуре сказок, преимущественно бытовых, обогащая их повествование. Между героями происходит состязание в виде диалога: один из героев загадывает сложную задачу-загадку в неразрешимой форме, причем отгадка известна только загадывающему лицу. Можно предположить, что использование различного рода «загадочных» элементов при создании народных сказок является своеобразным способом, свидетельствующим о превосходстве человека из народа.

Литература

Аникин В. П. (1987). Русский фольклор: учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высшая школа. 286 с.

Бритаева А. Б. (2007) Роль и функции жанров загадок и небылиц в художественной структуре сказки // Изв. Российского гос. ун-та им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. Т. 22, вып. 53. С. 59–62.

Гаджиев А. (сост.). (2008) Лезгинский фольклор: сб. текстов. Махачкала: ДНЦ РАН. 536 с.

Ганиева А. М. (1968) (сост.). Лезгинские народные сказки. Махачкала. 176 с. (На лезг. яз.)

Гашарова А. Р. (2019) Виды и функции лезгинских народных загадок // Гуманитарные балканские исследования. Болгария, Пловдив. Т. 3, № 2 (4). С. 90–93.

Гашарова А. Р. (2020) Жанр народной загадки и формы ее использования в ашугском творчестве лезгин // Филология: научные исследования. Москва. № 8. С. 27–35. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.8.31859

Гашарова А. Р. (2018) Лезгинские народные загадки // Вестн. Калмыцкого ун-та. Элиста. № 4. С. 72–78.

Елеонская Е. Н. (1987) Некоторые замечания о роли загадки в сказке // Этнографическое обозрение. № 4. С. 78–90.

Колесническая И. М. (1941) Загадка в сказке // Учен. записки Ленинградского гос. ун-та. Л.: ЛГУ. Вып. 12, № 81. С. 112–121.

Протт В. Я. (1976) Фольклор и действительность. М.: Главная редакция восточной литературы. 325 с.

Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20 т. Т. 3: Бытовые сказки (2013) / под ред. акад. Г.Г. Гамзатова; Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы ДНЦ РАН. М.: Наука. 566 с.

Солдаева А. А. (2016) К вопросу о применении методов интертекстуального анализа при описании жанра русской фольклорной загадки // Филологос. № 30 (3). С. 60–64.

Тимова Н. Г. (2012) Доминантная функция загадки в русском и английском «сказочном» дискурсе // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского (Тамбов). № 1 (37). С. 319–324.

Укачина К. Е. (2009) Загадка, как одно из значимых художественных средств в алтайских сказках, легендах и героических сказаниях // Древности Сибири и Центральной Азии. № 1–2 (13–14). Горно-Алтайск. С. 165–173.

Чичеров В. И. (1959) Русское народное творчество. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та. 522 с.

References

Anikin V. P. (1987). *Russian folklore: textbook. manual for philology specialist universities*. Moscow: Vysshaya shkola, 1987. 286 p. (In Russian).

Britaeva A. B. (2007) The role and functions of the genres of riddles and fables in the artistic structure of a fairy tale. *Bulletin of the Russian State University. A. I. Herzen. Social and human sciences*, vol. 22, issue. 53, pp. 59–62. (In Russian).

Chicherov V. I. (1959) *Russian folk art*. Moscow, Izd-vo MGU, 1959. 522 p. (In Russian).

Collection of folklore monuments of the peoples of Dagestan: in 20 volumes. T. 3. Household tales (2013) / ed. acad. G. G. Gamzatov; Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa, DSC RAS. Moscow, Nauka, 566 p. (In Russian).

Eleonskaya E. N. (1987) Some remarks on the role of riddles in a fairy tale. *Ethnographic Review*, no. 4, pp. 78–90. (In Russian).

Gadzhiev A. (comp.) (2008) *Lezgi folklore: Collection of texts* Makhachkala. 536 p. (In Russian and Lezgin).

Ganieva A. M. (comp.) (1968) *Lezgi folk tales*. Makhachkala. 176 p. (In Lezgin).

Gasharova A. R. (2019) Types and functions of Lezgi folk riddles. *Humanitarian Balkan Studies. Bulgaria, Plovdiv*, vol. 3, no. 2 (4), pp. 90–93. (In Russian).

Gasharova A. R. (2020) The genre of the folk riddle and the forms of its use in the ashug creativity of the Lezgins. *Philology: scientific research*. Moscow, no. 8, pp. 27–35 (In Russian).

Gasharova A. R. (2018) Lezgi folk riddles. *Bulletin of the Kalmyk University*. Elista, no. 4, pp. 72–78 (In Russian).

Kolesnitskaya I. M. (1941) Riddle in a fairy tale. *Scientific notes of the Leningrad State University*. Leningrad, LGU, issue 12, no. 81, pp. 112–121. (In Russian).

Propp V. Ya. (1976) *Folklore and reality*. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 1976. 325 p. (In Russian).

Soldaeva A. A. (2016) On the application of the methods of intertextual analysis when describing the genre of Russian folklore riddle. *Philologos*, no. 30 (3), pp. 60-64. (In Russian).

Titova N. G. (2012) Dominant function of riddles in Russian and English “fairy tale” discourse. *Questions of modern science and practice. University named after V.I. Vernadsky* (Tambov), no. 1 (37), pp. 319-324. (In Russian).

Ukachina K. E. (2009) Riddle as one of the most significant artistic means in Altai fairy tales, legends and heroic tales. *Antiquities of Siberia and Central Asia*, no. 1–2 (13–14). Gorno-Altaysk, 2009, pp. 165-173. (In Russian).

Aida R. Gasharova (Makhachkala, Dagestan Republic, Russian Federation)

Role of Lezgin Folk Riddles in the Structure of Everyday Fairy Tales

The article deals with Lezgi folk riddles. They can be a constituent element of many genres of folklore, although they exist in folk art as an independent genre. The analysis is focused on folk riddles in the “fairy tale” speech, as well as the use of various kinds of “mysterious” elements in the creation of folk tales. The riddle participates in the complication of many fairy tales. The role of the riddle in a fairy tale is controversial. Basically, the function of riddles in a folk tale is entertaining, but their role in fairy tales is also very significant for the formation of the plot. Riddles are firmly entrenched in a number of fairy tales to complicate them. Both folk tales and folk riddles are metaphorical. We study the traditional plots of Lezgi folk tales, in which we find riddles. The purpose of our study is to identify the multi-aspect interdependence of the Lezgin folk riddle as a plot-forming element in various types of fairy tales. Creative imagination often introduces a riddle into the plot of social and everyday tales “about wise answers” (“about guessing”), which most often contain the origins of difficult riddle problems. The relevance of the chosen topic is due to the lack of study of this issue in the Lezgi oral and poetic creativity.

Key words: *Lezgin folklore, small aphoristic genres of folklore, folk riddles, everyday tales.*

Сведения об авторе / Information about the author

Гашарова Аида Руслановна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела фольклора Института языка, литературы и искусства имени Гамзата Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской Академии Наук, г. Махачкала, Россия. E-mail: aida.2015@yandex.ru

Aida R. Gasharova – Ph.D. of Philology, Senior researcher at the Department of Folklore The G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences Makhachkala, Russian Federation. E-mail: aida.2015@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 07.10.2020., принята к публикации 15.04.2021.
The article was submitted 07.10.2020, accepted for publication 15.04.2021.*